

УДК 81'374
ББК Ш100.63+Ш105.4

ГСНТИ 16.21.65

Код ВАК 10.02.19

Коновалова Надежда Ильинична,

доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации; Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 282; e-mail: sakralist@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ САКРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** сакральный текст; лексикография; традиционная народная культура.**АННОТАЦИЯ.** Представлена концепция лингвокультурологического словаря сакральных текстов. Показаны принципы словарного описания сакральной семантики в зависимости от ее эксплицитности / имплицитности в тексте, жанра текста и типа культурной информации, сопряженной с функционированием сакрального знака.**Konvalova Nadezda Ilinichna,**

Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Philology, Culture Sciences and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University.

KEY WORDS: sacred text; lexicography; traditional folk culture.**ABSTRACT.** The author represents the concept of cultural linguistic dictionary of sacred texts. The author exposes the principles of description of sacred semantics in its dependence on explicit/implicit character in the text, genre of the text and the type of cultural information connected with the function of sacred mark.

Разработка модели словарного представления отдельных фрагментов русской языковой картины мира – одна из актуальных задач современной прикладной лингвистики, о чем свидетельствует, в частности, возросший интерес теоретиков и практиков этнолингвистического и лингвокогнитивного направлений отечественной и зарубежной лексикографии к выявлению и описанию лингвокультурных феноменов. Аналога словаря сакральных текстов (далее – СТ) в лексикографической практике нет, можно отметить лишь включение отдельных сакральных характеристик в словарные статьи энциклопедических, диалектных, историко-этимологических, фразеологических, этнолингвистических и некоторых других словарей.

В настоящее время существует несколько способов лексикографической интерпретации сакральной семантики.

1. **Энциклопедии быта и духовной культуры народа** представлены в основном в виде тематических сборников материалов без комментариев («Календарь русской природы», «Земледельческий календарь») и т. п., где информация сакрального плана представлена эпизодически. Пожалуй, самым заметным явлением в этнолингвистической лексикографии энциклопедического типа стал «Полесский народный календарь» С. М. Толстой. Здесь предложено комплексное описание базовых моделей христианского, трудового, обрядового календаря с включением данных демонологического, фольклорного и др. ко-

дов. Материалы словаря вписываются в широкий этнокультурный контекст, что позволяет названия дней, составляющие народный календарь, рассматривать как «культурные знаки», а их совокупность как своего рода «культурный текст».

2. **Описание локальной культурно-языковой традиции** по данным народной обрядности, фольклора. В таком плане выполнен, например, «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» И. А. Подюкова, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипова.

3. **Лингвокультурологический комментарий закрепленных в языковом знаке культурных смыслов.** Отдельные фрагменты такой модели обнаруживаются в словарях разных типов, в основном фразеологических.

4. **Словари символов** представляют лишь один из аспектов семантики сакрального в плане соотношения «знак – значение – символ». Символическая функция знака рассматривается как его образный смысл, определяющий выразительные и изобразительные особенности слова.

5. **Мифологические** словари представляют в основном теологические и демонологические статьи и отличаются охватом материала: от «систематизированного изложения мифотворчества всех народов мира» (Мифологический словарь / под ред. Е. М. Мелетинского) до отдельных мифологических традиций (А. С. Кайсаров, Г. А. Глинка, Б. А. Рыбаков «Мифы древних славян»; С. Г. Белякова «Славянская мифо-

логия» и др.) и отдельных элементов мифологических систем (М. Н. Власова «Русские суеверия»).

6. Анализ базовых концептов культуры. Ср., например, «Константы: словарь русской культуры» Ю. С. Степанова. В соответствии с задачами представления концептов словарная статья включает этимологию слов – имен концептов – как «предысторию, дописьменную историю концепта», затем по разным данным излагается ранняя европейская и русская история концепта, а также эволюция концепта до сегодняшнего дня. К данному типу относятся и словарь культурно маркированных прецедентных феноменов, обладающих национальной специфичностью и демонстрирующих характер отражения русской картины мира в языке – «Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь» (И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных). Отметим, что это единственный словарь, представляющий в одном из разделов целый текст.

Для СТ любая из описанных выше моделей не «работает» как в силу специфичности самого сакрального содержания, так и из-за многообразия форм его репрезентации и представленности в сознании современных носителей русского языка.

Способы представления сакральной семантики зависят и от жанра СТ. Так, для заговоров достаточно описать условия (и/или правила) произнесения и привести комментарий отдельных устойчивых формул и слов, непонятных в силу их архаичности или затемненности их внутренней формы, т. к. сама тема заговора соотносит текст с определенным типом сакральной информации. Для «свернутых» СТ (идиом, мифологем) необходима экспликация исходных сакральных мотивов через культурно значимые пресуппозиции, показания языкового сознания, выявляемые в контекстах, и т. п. Для примет обязательным является соотнесение вербального и акционального элементов текста с типовой ситуацией, а также выявление ее мифосимволического источника и когнитивной базы, которая определяется по отнесенности прототипов текста к определенной сфере человеческого опыта, в том числе к сфере сакрального.

Принципы структурирования словарных материалов. При определении способа организации словарного материала мы учитываем основополагающие принципы лексикографического описания (См. об этом: 4): а) принцип множественности лингвистического описания, заключающийся в том, что существует множество неконкурирующих моделей описания одно-

го лингвистического материала, для которых не может быть проблемы выбора; б) принцип стандартности, в соответствии с которым однопорядковые явления в одном словаре требуют унифицированного представления; в) принцип экономности, когда при прочих равных условиях предпочтение отдается максимально лаконичному описанию; г) принцип полноты отражает необходимость исчерпывающего лексикографического представления всех существенных признаков значения и правил употребления языкового знака; д) принцип эффективности описания, использование которого обеспечивает некоторую алгоритмизацию словарной статьи с тем, чтобы прочтение дефиниции давало возможность точного понимания описываемого языкового факта в широком контексте при учете всех парадигматических, синтагматических и иных свойств знака; е) принцип семантической ступенчатости, определяющий выбор мета-языка словарного описания таким образом, чтобы его элементы были лишь на один признак проще / сложнее определяемого понятия.

Все указанные принципы должны найти отражение в словаре как взаимодополняющие лексикографические техники, выбор которых в каждом конкретном случае диктуется самим описываемым материалом.

При выборе **способа толкования сакрального содержания** знака следует учитывать две ситуации, определяющие выбор конкретных лексикографических техник семантизации СТ:

1) сакральная информация об обозначаемом формально выражена (темой СТ, внутренней формой слов или номинативных словосочетаний, входящих в его состав, сакрально маркированными онома, языковыми единицами, представляющими базовые компоненты феномена сакральности и т. п.);

2) сакральная информация формально не выражена (текст не содержит лексических маркеров сакральности, представляется на первый взгляд профанным, исходные сакральные смыслы без дополнительной информации не «считываются»).

В первом случае (**при наличии маркеров сакральности**) возможность выявления, осознания сакральной информации носителями языка достаточно реальна, хотя ее смысловая «глубина» может быть различной, поскольку основана на разного рода языковых и внеязыковых ассоциациях и обусловлена в значительной степени общекультурной компетенцией языковой личности. Для лексикографического представления такого рода фактов достаточно интерпретации внутренней формы сакрально маркированных элементов СТ, их

денотативной «привязки» и/или пояснения системных (внутрипарадигматических или межпарадигматических) связей, поскольку сакральный компонент составляет основу семантики этих единиц. В данном случае могут использоваться следующие лексикографические техники семантизации компонентов СТ.

1. Толкование компонентов СТ через отсылку к сакрально маркированному мотиватору. Приведем фрагмент комментария к описанию регламентации обряда «хождения на кашу»: «*На кашу обязательно подарок несли: пелёнку, рубашки, платки, полотенца. Одаривали, когда смотрели ребенка, но быстро и молча. Чтоб не сглазить. Говорят, дескать, хочь словам, хочь тяжёлым глазом одинак *изурочат дак. А баушка тўто же с *баёвкой, пошопшот, *побáйт ли, знаткá дак, знат, чё надо *бáлеть* (Паршино, Богд.)» (знаком «*» отмечены единицы, комментируемые через сакрально маркированные мотиваторы и вынесенные в качестве заголовочных компонентов отсылочных словарных статей).

*Баёвка – трава, с помощью которой «бают» знахарки, измеряют ее «шепотками» для заговоров на снятие порчи, сглаза (ср.: *бáить // бáлить // бáлеть – ‘шептать, знахарить, заговаривать’).

*Изурочить – нанести вред здоровью, испортить кого-либо (чаще ребенка) словом или взглядом (ср. урок – сглаз, урекать – напугать на кого-либо порчу).

2. Выявление базовых сакральных смыслов через денотативные или понятийные компоненты. В качестве примера приведем фрагмент комментария к описанию того же СТ – регламентации обряда «хождения на кашу»: *на кашу (идти, пойти, ходить, приглашать, звать) – 1) обед после свадьбы, на который молодожены приглашают родню, как правило, проходит в доме, где будут жить молодые; невестка впервые выступает в качестве хозяйки дома: варит обед и обязательно ритуальную кашу, символизирующую достаток в доме, дарит подарки свекрови и родне мужа: «Эк-ту она свекровке на кашу шáлку подарила, бáссиньку, уж больно старалася ей пондравиться»; 2) званый вечер после крестин: «Хрёстна на кашу приглашóна дак, робёноцкя-то в церкве уж окрестили, щас дома гулянка будёт»; 3) семейный праздник (отжáнки), знаменующий окончание хлебоуборочных работ: «Васькя к имя’ на кашу повилялся, щас не дожждать его, ему за один край, хочь отжинки, хочь зажинки, лишь бы пóдали».*

На кашу (жить, жить без худобы). ◊ На кашу жить без худобы – жить хорошо, удачливо. Красота! Жить на кашу без худобы – говорят, когда что-либо удастся (7, т. 13, с. 149).

3. Толкование через анализ системных связей единиц одной парадигмы. Ср. комментариев к описанию регламентации обрядов взаимодействия с деревенскими знахарями и знахарками, демонстрирующий различия семантической структуры родовых коррелятов: *знахарь и *знахарка в народной традиции характеризуются как общими, так и отличительными признаками. С одной стороны, это немолодые люди, обладающие тайным знанием (знаткой, знаткая // знат, знатка // знатливый, знатливая // знатник, знатница и т. п.), способные лечить (лекарь // лекарка), предсказывать судьбу (гад // гадалка и номинации общего рода гадина, гадала), колдуны, насылающие порчу (волхит // волхитка), колдующие на корнях деревьев (кореничик // кореницца). С другой стороны, отмечается набор характеристик, свидетельствующих об их «специализации», что находит выражение в соответствующих номинативных вариантах.

Знахарь – а) тот, кто знает тайны охраны скота, помогает во время охоты; б) дает бережье (ладанку) от порчи и сглаза = бережчик (7, т. 2, с. 251); в) занимается бесплатным лечением = бесплатник (7, т. 2, с. 272); г) насылает гръжу, килу = гръжевак, киловед (7, т. 7, с. 175; 7, т. 13, с. 208); д) заговаривает зубы = воржец, ср.: вóрече – заговор, заговариванье, нашептыванье знахаря (7, т. 5, с. 99); е) занимается лечением людей и животных = коновальщик (7, т. 14, с. 260).

Знахарка – а) повивальная бабка, акушерка = повитуха, баба; б) женщина, занимающаяся ворожкой = ворожейка // ворожея; в) лекарка, знающая заговоры = басíха (7, т. 2, с. 131); ср.: басить – лечить с помощью заговоров; г) лечащая болезни травами и нашептыванием = закликуха // кликуха; ср.: закликать – воздействовать на кого-что-либо силой заговора, заклинания с лечебной или иной целью (7, т. 10, с. 132); д) примиряет мужа и жену с помощью заговоров, трав и других знахарских средств = ладельщица (7, т. 16, с. 231); ср.: ладить – устанавливать лад, мир; е) может оборачиваться птицей, зверем, другим человеком = опрокидка.

4. Толкование с опорой на контексты, свидетельствующие об этимологической рефлексии носителей языка (говора). Под этимологической рефлексией понимаем наличие в языковом сознании говорящих своеобразных реликтов исходного мотивационного значения слов с утраченной или затемнен-

ной внутренней формой (1). Об этимологической рефлексии свидетельствуют, например, контексты-пояснения, обнаруживающие спорадическое восстановление исходного номинативного признака в словах с затемненной внутренней формой. При этом в качестве интерпретирующих компонентов используются этимологически родственные ассоциаты (слова того же корня): **мамоня** // **мамуна** – 1) 'мифологический персонаж, обитающий в доме, ленивый и прожорливый'; 2) 'нечистая сила, вредящая беременным женщинам и жеребым лошадям'; ср. *мамон* 'пузо', *мамоня* 'лентяй, обжора' (8, т. II, с. 566); 'лентяй, вялый разиня, обжора, объедала' (3, т. II, с. 296): «*Мамоня он мамон наедат, сам нечѣ не делат, а любит, чтоб его ублажали. Мамуна заведѣт ся, дак всё как в прорву, у ево мамун-от бездонной, сколь сробишь, столь и съес. Если берѣжа кобылка худеѣт, знатъ-то мамуна завѣлся, свой мамон наѣдыват, а та и худеѣт. Чѣ баба с брюшка желат, то надо ей дать, и чтоб положила мамоне на шосток, он того же со своѣго мамона желат, не дас, дак он сам заберет, и робѣнок будѣт худосочной*». Семантические связи такого рода позволяют установить соотносительность происхождения слова с одной из спорных этимологий. Например, **обердиха**, возможно, от *бердо* 'деталь ткацкого станка' (8, т. I, с. 152): «*У обердихи ручки тоненьки и остра мордочка, на голове у ей маленьки рожки, она их волосам прикрыват, как пакля таки волосы, днѣм сидит за печкой, а по ночам проказничат с прялкой, с шитьѣм, веретѣшком, кто коверки ткѣт, дак спутат ресунок. Спи за работой, дак обердиха сробит за тя, потом не распуташь*». Ср. также возможную связь с *бередить*, возникшим путем переразложения из **об-вередити* от *веред* 'нарыв, гнойник, рана', 'вред, повреждение' (8, т. II, с. 154, 295): «*Нельзя днем за печку глядеть, а то ночью обердиха напакостит*». Не исключено образование в результате метатезы от *обдериха*, связанного с *драть*, *обдирать*: «*Больше всех обердиха вредит по ночам животным, особенно курам, перо им дерѣт, ещѣ овечкам, которы не стрижены, шѣрсть клочьям дерѣт*»; «*Настьякя выучилась стригчи, ак как обердиха клочьям всё выстрижет, а фосону сколькѣ!*».

Другой вариант семантизации выбирается, если **лексические маркеры сакральных смыслов отсутствуют**. Речь идет, в частности, об общеупотребительных словах, приобретающих сакральные смыслы только в комплексе с другими культурными кодами, или о предметах, действиях, признаках, выступающих в качестве символов определенного ритуала, обряда. Ср., на-

пример, комментарий к описанию СТ гадания: «**Богатки, богачки, божанки, их на Ивана Купалу под потолок наторкают и загадают: если хорошо расцветет – будет богатым, а не расцветет – не будет*».

**Богатка* – растение *Erigeron*: пушки, блошница, неувяда. Цветок, название которого происходит от народного гадания о богатстве. Накануне Иванова дня берут не совсем распустившиеся цветки, для каждого члена семьи по одному, кладут обыкновенно на божницу на ночь. Чей цветок распустится к утру, тому предсказывают счастья на целый год, у кого же не распустится – несчастье или смерть (7, т. 3, с. 45).

Лексикографическая фиксация СТ и его компонентов должна в этом случае учитывать **широкие внеязыковые presupпозиции**, связанные с обрядами, суевериями, фидеистическими представлениями. Ср. фрагмент комментария к регламентации обряда «хождения на кашу», эксплицирующий сакральные смыслы символики дарения: «Любой пришедший проведать роженицу с новорожденным обязан был «подарить ребенка» чем-либо (хлебом, зерном, деньгами, ложкой, рубашкой и т. д.). Того, кто не принес подарка, наказывали, например, забрасывали его шапку за печь, чернили лицо сажей и т. п. От соблюдения правил обращения с даром, предназначенным новорожденному, зависела его судьба и здоровье: еду роженица должна была съесть быстро и с охотой, чтобы ребенок хорошо ел и впоследствии начал бы делать все, чему его учили, быстро и умело; ленту, которую новорожденный получал от крестных родителей, мать сохраняла весь первый год его жизни, чтобы у нее было много молока, и т. д.» (3, т. 2, с. 19-20). Кроме того, дарение «на кашу» имеет прогностическую символику. По тому, к чему из принесенного ребенок потянется, гадают о его будущем: к хлебу – будет жить в достатке, к ложке – будет «споровитым в работе», к молоку – здоровым, к рубашке – счастливым, к ленточке, пояску – долго не женится (не выйдет замуж) и т. д.

Представление формально не выраженных сакральных смыслов может выглядеть, например, следующим образом: *Бабий переполох*, номинативные варианты – *девичий переполох*, *страхолох* – колючник обыкновенный, травянистое растение с прямым длинным стеблем, зубчатыми очень колючими листьями и лилово-пурпурными цветками, растет на сухих опушках, лугах, в народной медицине используется для лечения испуга; контексты употребления: «*У меня соседка как-то вяжет ли чѣ делат ночью, в окно стукнули, она выглянь возьми, а там свинья высунулась, дак соседка потом болела рожей, вот бабий переполох помог, а так страх как*

выгонши?» (5, с. 24). Информация о сакральном знаке эксплицирует пресуппозиции, связанные с традициями народной медицины и представлениями людей о причинах болезней. В некоторых местах считается, что одной из причин женских болезней является испуг от «насыльного беса», который в образе какого-нибудь домашнего животного неожиданно появляется перед женщиной, засидевшей за полночь за домашней работой. Следствием такого испуга может быть умопомрачение, различные воспалительные заболевания, излечить которые можно только колючником: его запаривают вместо чая, колют им пятки больной, развешивают вокруг кровати, чтобы «насыльный бес» больше не приближался и не усугублял болезнь своими издевательскими (5, с. 22).

Выявление сакральных смыслов может осуществляться также через указание **символических функций обозначаемого**: *«Деревянный (сухой) огонь – огонь, добытый трением двух сухих кусков дерева; «деревянный огонь поддерживают летом около деревень, так как, по мнению крестьян (и многих инородцев Сибири), он помогает от падежей скота»; «Думали: сухой огонь помогает. От березы брали два столбика, терли один об другой, доставали деревянный огонь»* (9, с. 125).

Сакральное слово в СТ (в качестве единицы семантических полей «сверхъестественное», «таинственное», «священное», «демоническое», «ритуально-магическое» и т. п.) выступает лишь как ассоциативный стимул, толчок к актуализации всего содержания СТ или отдельных его аспектов, получающих реализацию в зависимости от уровня языковых и внеязыковых знаний говорящих и их коммуникативных намерений. Характер целостного восприятия СТ определяется комплексом элементов устойчивой и варьируемой информации о соответствующем участке описываемого денотативного (или квазиденотативного) пространства в содержательной структуре текста, в совокупности его актуальных смыслов. При этом «ассоциативный потенциал сакрального слова / выражения предстает как обусловленная самим лексическим значением **программа преобразования потенциального содержания в актуальное**» (2, с. 60-61). Такая «программа» моделирования актуальных смыслов СТ может быть реализована при учете всей совокупности типов культурной информации, транслируемой элементами СТ, что связано с привлечением для лексикографической интерпретации разных культурных кодов: обрядов, ритуалов, традиционного

народного календаря и святцев, практики народной медицины и т. д.

В качестве одной из лексикографических техник для указания на принадлежность материала к сфере сакрального предполагается использование соответствующих помет и идентификаторов: *по религиозным представлениям, в старых народных поверьях, в мифологии, мифическое существо, в христианском вероучении, согласно суеверным представлениям, из библейского сказания, в традиционном свадебном обряде, в обряде погребения, православный праздник, в ритуале, в колдовстве, в знахарской практике, в народной медицине* и т. п.

И в первом, и во втором случаях лексикографическое представление сакральных феноменов, очевидно, должно быть ступенчатым: от СТ – к отдельным его компонентам, позволяющим интерпретировать как сами сакральные смыслы, так и различные способы их выражения.

Таким образом, модель представления в словаре СТ и сакральных смыслов составляющих его языковых единиц должна включать в качестве основных параметров:

- 1) характеристику их денотативной отнесенности, при этом в особых комментариях нуждаются названия полифункциональных предметов, атрибутов и действий, которые могут в одних ситуациях выступать как обыденные, в других – как сакрально маркированные;
- 2) характеристику системных связей языковых единиц (в частности, через выявление наборов системно значимых семантических оппозиций сакрального знака);
- 3) показания языкового сознания – психологическую реальность представленности значения в сознании носителей языка – с учетом констант русской ментальности, закрепленных, в частности, в языковой идиоматике и выявляемых в контекстах;
- 4) возрастную, территориальную, гендерную, социальную отнесенность сакральной информации (данный компонент семантизации значим при описании дополнительных, периферийных семантических признаков, в разной степени актуальных для носителей языка);
- 5) «вписанность» значения в широкий культурный контекст через ритуал, обряд, обычай, фольклор и т. п., что особенно важно для интерпретации семантики общеупотребительной лексики, приобретающей сакральную значимость лишь в комплексе со знаками других кодов;
- 6) интерпретацию символических смыслов, присущих языковым единицам в определенном культурном континууме, их соотносительность с символикой других кодов, моделирующих СТ.

Учитывая принцип единообразия при составлении словаря СТ, мы отдаем себе отчет в том, что состав компонентов словарной дефиниции будет варьироваться для

разных типов СТ. Однако в любом случае в том или ином виде в словарной статье найдется отражение описанная выше триада: семантика – синтактика – прагматика СТ.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Гридина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии : учеб. пособие. Свердловск, 1989.
2. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х тт. М., 1989. Т. 1-4.
4. Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974.
5. Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
6. Славянские древности : этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. I-V.
7. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. М.; Л., 1965-1998. Вып. 1-36.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. М., 1986. Т. 1-4.
9. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. Т. А. Гридина.